

Михаил Смирнов

И настанет день

Утро наступило, а за окном темным-темно, словно ночью. Николай протяжно зевнул. Передёрнул плечами. Холодно. Он прошлёпал на кухню. Дотронулся до чайника. Поставил на плиту. Умылся холодной водой. Растёрся. Повесил полотенце. Заторопился на кухню. Налил чай. Отхлебнул раз-другой. Опять взгляд на окно. Вздохнул. Эх, работа-работушка, кто же тебя выдумал, а? И стал собираться, посматривая на часы...

Он постоял возле подъезда, зябко передёргивая плечами. Холодно. Зима на носу, а снег ещё не выпал. Не поймёшь, что летит с неба—дождь или мокрый снег. Вздохнул. Потом, словно решившись, он поправил сумку на плече, где лежали спецовка и приготовленный обед, оттолкнулся от двери и зашагал в сторону остановки, то и дело чертыхаясь, когда во тьме попадал в лужу или спотыкался. Вроде утро, а на улице тьма-тьмушая. А может, он отвык...

Он уж давно отвык от родительского дома. Наследство досталось от бабки с дедом, пока в армии служил. И, вернувшись после армии, долго не стал задерживаться в доме родителей, а переехал в свою квартиру. Надо же было распорядиться наследством. Богатым себя почувствовал, обеспеченным женихом. Правда что, девок было хоть отбавляй, а в душу ни одна не запала. Соседи жаловались. Грозили: если не встанет на путь истинный, участковому пожалуются. Тоже мне, напугали! Время шло, он стал уставать от этих гуляний, вечерних посиделок, которые плавно переходили в бурную ночь, а утром с тяжёлой головой приходилось тащиться на работу, чтобы вечером снова устроить посиделки с какой-нибудь очередной подружкой. Надоело! И Николай постепенно отошёл от этих гуляний. Нет, почему же, он продолжал встречаться с девчонками, но уже пореже и стал более выборочным. А может, девчонки стали меньше внимания уделять ему. Всё может быть...

В конце октября Николай разболелся. Простыл. Съездил на рыбалку, ворчала мать, когда узнала. И рыба не нужна, и будешь теперь валяться. Ладно, если бы жена была, а так никому не нужен. И вообще, пора жениться, а не шляться где ни попадя. Поразвёл подруг, а в душе пусто. И приговаривала, чтобы к ним перебрался, всё под надзором будет.

Ага, сейчас!.. Но в душе неприятно было, что девчонок много, а ни одна не появилась, когда заболел. И пришлось самому выкарабкиваться...

Николай зевнул, прикрывая рот, и тут же поёжился. Холодно. Почти три недели проболел. Никуда не выходил из дома. В ноябре вышел на работу, но взбаламутил друг. Уговорил Николая взять отпуск и помотаться по рыбалкам, пока погоды стояли. Поохотиться на хищника. Щука там, судак, окунь... А что Николаю делать? Один живёт. Ни семьи, ни детей. Отпуск взял, но зарядили обложные дожди. Временами казалось, будто снег сыпал, так было холодно. Он ушёл в отпуск, а друга не отпустили. Николай расстроился. Конечно, можно было одному отправиться за щукой, но представил себе, как в одиночестве жил бы у друзей на даче в небольшом домике, где даже электричества не было, а уж про отопление и говорить нечего. А ночи осенние долгие и холодные. Вроде печка есть, не успеешь протопить, как ветром выдувало тепло, и снова становилось зябко. Это летом хорошо на даче жить, а поздней осенью можно окоченеть. Весь день шляться под дождём, потом рыбу разделывать и ужин готовить, а впереди холодная нескончаемая ночь, а утром снова к реке в мокрой, непросохшей одежде, и так каждый день, пока не закончится отпуск. Николай подумал и остался дома...

Первый день отпуска прошлялся по квартире. За окном беспрестанно сыпала осенняя морось. Низкие неповоротливые тучи чуть ли не задевали за крыши домов. Прохожих не видно. Редкий раз мелькнёт кто-нибудь и тут же скроется в ближайшей подворотне, или донесутся быстрые шаги—и опять тишина. Порывы ветра срывали последнюю листву. Один листок прилип к стеклу. Николаю казалось, когда смотрел в небо, что сейчас прозвучат печальные крики птиц, летевших на юг, и от этого на душе становилось мрачно и серо, как пасмурный день. Друг позвонил. На дачу позвал. Шашлыками соблазнял. Николай выглянул в окно—мрачная и тоскливая погода, и отказался ехать. Холодно и мерзко. Если было бы лето, сразу бы поехал. Ему нравилось ездить с друзьями на дачу. Хорошо там, словно на природу выбрался. Он приезжал сюда, чтобы отдохнуть, а вот друзей не понимал: какая радость для них

с утра и до вечера стоять раком над грядками? Проще сходить за рынок и купить, и мучиться не нужно. Друг посмеивался. Придёт время, и сам захочешь. Дело не в грядках, стоим над ними или не стоим, а в наших душах,— и обводил рукой окоём. Вот и пойми, что притягивает— природа или душа...

Утром не хотелось подниматься. Отпуск. Решил отоспаться, коли рыбалка сорвалась; а может, к лучшему, что не поехал, всё же на больничном сидел. Нужно поостеречься, а то снова разболеешься. И отсыпался. Не хотелось вылезать из-под тёплого одеяла, когда за окном стоит мерзкая осенняя непогода. Хотелось укутаться посильнее, закрыть глаза и так валяться весь день. И лежал, пока не поднимала мать, которая частенько заглядывала к нему, чтобы посмотреть, как живёт сынок, а заодно что-нибудь принести. Ну, там, чеплашку с салатом или банку с борщом. Жалела его, непутёвого. Всё ждала, когда он образумится и наконец-то женится. Девчонок много, а он выбрать не может. Уж тридцатник на свете прожил, пора бы уж пристать к одному берегу, а он махал рукой. Не встретила ещё та девчонка, ради которой можно горы свернуть, как он говорил. Другья давно переженились, кучу ребятишек нарожали, а он по рыбалкам мотается, словно дома нечего кушать, мать ругала его. А Николай улыбался. Жениться— не напасть... Где взять мне ту единственную и неповторимую, чтобы жениться, а мамка? Вот встречу её— уж не выпущу, а первую встречную не хочу, потом мучайся всю жизнь. И мать вздыхала, махая рукой...

Николай вздохнул, вспоминая отпуск. Вроде большой, как сначала казалось, а на деле не успел оглянуться— отпуск пролетел. А спроси, что ты делал, Николай пожал плечами. Отсыпался, а ещё пару раз помог друзьям и к матери съездил, она ремонт затеяла. Вот пришлось помогать. Зато у неё забрал подшивки журналов за несколько лет. У, хоть одна радость была в эту непогодь. И полёживал на диване, перебирая и читая журналы.

А сейчас шагал на остановку, и на душе была тоска. Тоска от всего: от жизни, погоды, всяких проблем, которые, словно снежный ком, с каждым разом увеличивались, от работы, куда не хотелось ехать после отпуска, а главная— от неустроенной жизни. Тоска от самой жизни. Работа, заботы-хлопоты, а вернётся домой— и не знает, чем заняться. К друзьям не находишься. У каждого семьи, ребятишки носятся, другие на дачах пропадают. Одни до зимы живут там, наездами бывают в городе, или на выходные уезжают. Все заняты, лишь только он как неприкаянный бродит. И это угнетало больше всего. Семьи нет, дачи тоже нет, на рыбалку съездит и возвращается в квартиру, где никто не ждёт. Наверное, время подошло, чтобы за ум взяться, как мать говорила. Николай

мотнул головой и поёжился от порывов холодного знобкого ветра. О, что только в голову не взбредёт, пока доберёшься до этой работы.

Николай ещё до армии устроился на завод. И вернулся туда же после службы. Сказать, что нравится работа,— не мог, а может, принимал её как обязанность, что ли... Ну обязан человек работать, и всё тут. Вот он и пашет. Другие на работу как на праздник, как говорится. Готовы были дневать и ночевать возле станков. Некоторые наоборот— лишь бы сбежать с работы. Не успеют прийти, уже ищут причины, лишь бы отпроситься или прогулять. А Николай почему-то равнодушно относился к ней. Пришёл, отстоял смену и ушёл, а в душе ни радости, ни удовлетворения. Какая-то пустота...

Николай зябко повёл плечами и плотнее запахнул куртку. Отвык. Почти не выходил из дома. По телефону поговорит с друзьями, новости узнает— и ладно. На рыбалку не съездишь, дачный сезон закрылся, а своей дачи не было. Может, он бы ездил, но родители отмахивались от неё: без этого дел хватает, а ты, если хочешь, бери участок и занимайся. Он пожимал плечами. Он бы занялся, да земли не было, на работе давали участки, а он как-то мимо пропустил. И теперь жалел, что не взял землю. А сейчас сидел в четырёх стенах и страдал. Ну, только за продуктами и за самым необходимым выходил, а остальное время дрых, как сурок, или читал журналы. Все бока отлежал, как мать говорила и пыталась заставить его что-нибудь сделать, а он отмахивался. Мать, отстань, всё сделал, что можно было, осталось только сусальным золотом квартиру покрыть, а остальное всё есть. У меня отпуск. Что хочу, то и делаю. На рыбалку не удалось съездить, значит, буду отсыпаться. И снова заваливался на диван. Правда, чем меньше становился отпуск, тем больше раздражался по всяким пустякам. Не хотелось идти на работу. Тем более слякоть за окном. И, представляя, как будет тащиться в такую непогодь по утрам, не выспавшись, он чертыхался. Хоть увольняйся, и всё тут. Сиди в четырёх стенах и сопи в две дырки. А кто будет кормить и одевать? Эх, нужда любого заставит работать...

Лучше бы зима была, чем эта слякоть. Он дожидаться не мог, когда придёт зима и начнутся метели. Все посмеивались над ним, крутили пальцем у виска: мол, дурачок нашёлся. Все любят тепло, а этому метели подавай. И чем сильнее, тем лучше. Николай готов был с утра и до вечера бродить по улицам, когда были метели. Идёт— аж дух захватывает, когда ветер в лицо, когда на улице такая снежная круговерть была, что глаза не откроешь, дыхание перехватывало. Хороший хозяин собаку со двора не выгонит, а он радовался метелям. И домой возвращался весь в снегу, до костей продрогший, а на душе были восторг и радость...

Он завздыхал, вспоминая снежные зимы. Скорее бы, а то уже осточертела эта долгая слякотная осень. Николай подошёл к остановке. Постоял, осматриваясь. Хотел на автобусе ехать, но раздумал. Много народу стоит, а в автобусе ещё больше будет. Понабьются — не продохнуть! И снова зашагал. Решил на трамвае добраться. Пусть трясёт и холодно, зато там привычнее. Усядешься на свободное место, уткнёшься головой в стекло и дремлешь под разговоры пассажиров. В основном с утра ездили работяги. Трамвайные пути проходили вдоль городской окраины, потом трамвай заворачивал в промзону, а там много предприятий. Одни выходят, другие садятся. И пока все пассажиры не рассосутся. Николай ездил до конечной остановки. Пока доберёшься, в трамвае почти никого не остаётся. Посмотришь, один знакомый, другой и третий, а тех впервые видел. Наверное, в командировку приехали на завод или новенькие устроились. А потом с кем-нибудь идёшь по дороге к цеху. Он в самом конце завода стоял. Пока дойдёшь, все новости услышишь.

И сейчас, едва оказался в трамвае, не глядя по сторонам, заторопился к свободному месту возле окна. Уселся. Вдохнул. Нахохлился. Прислонился к окну. Закрыл глаза, будто заснул, и притих. Хорошо! Трамвай дёргался, трогаясь с места, водитель бубнил, объявляя следующую остановку, пронзительным голосом билетёрша требовала плату за проезд, рядом разноголосый разговор пассажиров, которые стояли в проходе, а ему было хорошо. Притулился к окну и дремлет, если это можно так назвать. Главное, никто не мешает. Таких, как он, половина трамвая, которые едут, закрыв глаза, и не поймёшь, то ли они спят, то ли специально закрыли, лишь бы уйти от действительности...

Николай поморщился, когда рядом с ним кто-то занял свободное место. Он вздохнул, словно разбудили его. Покосился. И непроизвольно взглянул на молодую, невысокую и худенькую женщину, что сидела рядом. Она больше похожа на девчонку, чем на взрослую. Николай знобко повёл плечами, заметив на ней коротенькую курточку, которая больше холодила, чем согревала. В этой куртке только в тёплое время ходить, а не поздней осенью. Джинсы. На голове серая беретка. Тоненькая шея, волосы до плеч. Виден узкий шарфик. Николай снова передёрнулся, словно водой окатили. И невольно оглянулся на окно, за которым осеннее промозглое утро и непрерывно шелестел мелкий холодный дождь. А потом опять взгляд на соседку по трамваю. Видать, новенькая. Хотя нет, скорее всего. Местные бы тридцать три одёжки натянули, не доверяя погоде, а эта чуть ли не голышом, можно сказать. Наверное, приехала на завод получать какую-нибудь продукцию и не подумала взять тёплую одежду, а теперь будет трястись

а этой куртке всю дорогу, продавая дрожжи, как говаривала мать. Наши снабженцы не торопятся. Пока получит свой груз, неделя пройдёт, а то и больше. Он видел, как некоторые фуры неделями стояли возле завода, ожидая погрузку. Водители злющие, сопровождающие тоже злые, а нашим наплевать. День прошёл, и ладно. Наверное, и эта женщина тоже застряла в командировке. Теперь мёрзнет, проклиная завод и всех, кто живёт в этом городе...

Она и правда замёрзла, как заметил Николай. Редкий раз, когда трамвай, словно судорожный, дёргался с остановки и начинал набирать скорость, она невольно прижималась к его плечу, и он чувствовал мелкую дрожь, и по лицу было заметно, что она замёрзла. И всё пыталась спрятать голую шею, приподняв воротничок на лёгкой куртке. Шарфик не помогал, он лишь для красоты был подвязан. Она пыталась согреться, совала руки в кармашки, но тут же вытаскивала и прятала под мышки. И всё старалась незаметно, чтобы никто не увидел.

Трамвай задрезжал на повороте и стал затормаживать. Люди потянулись к выходу. Конечная остановка. Николай вздохнул. Поднялся и вслед за соседкой по трамваю направился к выходу.

— Замёрзли? — не удержался, сказал Николай, заметив, как она снова поёжилась и принялась прикрывать лицо небольшим воротничком куртки. — Вы не по сезону одеты. Холодно, а вы в ветровке. В командировку приехали, да?

И покосился на неё, когда поравнялся. Маленькая, худенькая, аж в душе что-то сжалось.

— Я работаю на заводе, — как-то неохотно сказала она. — Здесь, в управлении, убираюсь.

И кивнула на проходную завода.

— Что-то раньше не встречались, — опять сказал Николай и удивился, что пытается завязать с ней знакомство, чего уж давным-давно не делал. — Мы частенько бываем в правлении. То кабинеты делаем, то материалы в город оформляем. У нас много объектов, вот и приходится крутиться по работе. Поэтому в лицо всех знаем, а вас вижу впервые. У нас уборщицы горластые. Потягай полные вёдра да помаше весь день шваброй — не так ещё заблажишь, если полы пачкают. Они даже на генерального рывкают, если в грязной обуви приезжает. А уж про остальных и говорить нечего. А по вашему виду не скажешь, что весь день таскаете тяжёлые вёдра с водой и машете шваброй. Вы такая хрупкая, аж дух захватывает...

Он мотнул головой, хотел было причмокнуть от удовольствия, но промолчал и лишь неопределённо покрутил в воздухе рукой.

— Я две недели как устроилась, — снова неохотно сказала она. — Ладно, сюда смогла попасть. Вообще никуда не устроишься. А у меня другой профессии нет. Я работала учителем. Школу закрыли на ремонт. Обещали всех устроить, но уже осень

на дворе, а про некоторых позабыли, в том числе и про меня, а может, работу не нашли. Но мне уже бесполезно ждать. Мама болеет, и кушать хочется каждый день. Двоём с матерью живём. Пришлось увольняться. Везде была. Работы никакой. Ладно, сюда смогла устроиться. Какие-никакие деньги, и мать радуется, а я тем более. Была бы дача-огород, можно прожить. Хорошее подспорье в наше время, а на пенсию матери не разбежишься. Едва концы с концами сводили. Но надеюсь, со временем всё наладится. Завтра обещали выдать аванс. Дома устроим праздник. Что-нибудь вкусенькое куплю или сама приготовлю...

Она вздохнула, нахмурилась, словно что-то лишнее сказала, и мельком взглянула на него, а потом отвернулась.

— Вы дачу любите? — не удержался, сказал Николай. — Я тоже подумываю насчёт неё, но одному тяжеловато строить. У моих друзей есть дачи. Кому родители оставили, а другие сами построили. И я разгорелся. Правда, земельный участок не найти. Хочу к начальству зайти, может, помогут.

Он покосился на неё.

— Дача — это хорошо, — задумавшись, сказала она. — У нас была дача, с весны и до зимы жили там, но мама заболела, пришлось продать, а деньги на лечение пустили. До сих пор вспоминаем, как ездили. Хорошо там, душа радовалась...

Она вздохнула и замолчала.

Николай молчал, слушая её. Она открывала душу перед совершенно незнакомым человеком. Она не жаловалась. Нет, она спокойно говорила, что с ней произошло. Не жаловалась, а пыталась сама выкарабкаться из этой ситуации и надеялась на лучшее. Было видно, несладко пришлось ей в жизни, если профессию учителя поменяла на уборщицу, а сама со швабру ростоком. Хотя и зарплата учительницы — это копейки. Нужда заставила сменить работу, как мать говорила. Правда что — нужда... — А я на заводе уже несколько лет работаю, — махнул рукой Николай. — Там, в столярном цеху или цехе, не знаю, как правильно сказать... После училища пришёл на завод, с той поры работаю. В армии побывал, вернулся — и опять в родной цех. Сегодня первый день после отпуска. Не хотелось идти на работу. Погода мерзкая — ужас! Вообще были мысли, чтобы уволиться и поискать более хорошую работу, потому что надоел этот завод, ничего не видишь, кроме работы, а домой вернёшься — сидишь в четырёх стенах, и поговорить не с кем, но сейчас... — он замолчал и неожиданно сказал: — А меня Николаем зовут...

И опять замолчал, взглянув на неё: маленькую, худенькую и — беззащитную, как показалось, — и опять в душе защемило.

— А я Елена Петровна, учитель... — привычно сказала она, но запнулась, подняла голову, взглянула на него. — Но можно Леной звать...

И снова спряталась за коротким воротником. — Ничего, Лена, привыкнете к новой работе, — ободряюще сказал Николай. — Это первое время трудновато на новом месте, а потом словно всю жизнь проработал. И вы привыкнете, а там, глядишь, что-то хорошее подвернётся. А где живёте?

Он чертыхнулся про себя. Пять минут знакомы, имя узнал, а теперь ещё адрес спрашивает.

— Угловой дом с аркой возле центральной площади, — помолчав, сказала она. — «Двушка» в сталинке. Ничего, двоим хватит. Я в столице училась, там же осталась работать. Но так получилось, что в прошлом году бросила всё и вернулась в родной город. В чём была, в том уехала. Даже свои вещи не забрала. А здесь мама заболела. Какая-то чёрная полоса началась, до сих пор не могу выкарабкаться. Но ничего, надеюсь, всё наладится.

Она поморщилась и снова замолчала.

И опять Николаю показалось, она недоговаривает. Оно и понятно, заметно, не хочет вспоминать, что с ней произошло. Видать, драма на личном фронте. Ведь не зря же сказала, что оставила всё и укатила из столицы. А расспрашивать неудобно, и не хотелось в душу лезть. Сама скажет, если захочет...

— А вы каждый день работаете? — сказал он. — Кажется, у вас не по сменам работа...

И тоже замолчал.

— Да, каждый день с утра и до вечера, — устало вздохнула Елена, и было видно, как она тяжело привыкает к новой работе. — К вечеру руки отваливаются, а дома больная мама дожидается...

Она нахмурилась, мельком взглянула на покрасневшие руки и зябко повела плечами,

— Не сегодня-завтра снег выпадет, — Николай кивнул на низкие тяжёлые тучи. — Того и гляди сыпанёт. А вы в лёгкой куртке. Замёрзнете. А я жду, когда зима настанет и начнутся метели. Ух, как мне нравится гулять, когда на улице снежная круговерть! Я бы весь день гулял. Скорее бы...

Он невольно вздохнул, осматривая скудную осеннюю растительность.

— Метели любите? — она с любопытством взглянула на него. — Честно сказать, я тоже обожаю эту погоду. Все по домам сидят, а меня на улицу тянет. Пусть снег и ветер, а я радуюсь. Так бы и гуляла...

— Ох ты, здорово! — не удержался Николай, мотнул головой. — Впервые вижу человека, которому тоже нравятся метели. Это же ух как здорово!

Он снова мотнул головой. Взглянул на притихшую Елену, которая шагала, о чём-то задумавшись. Хотел было что-то спросить, но не стал. Посмотрел и замолчал.

Дальше расспрашивать было неудобно, да Николай и не любил в душу лезть. И они шли молчком до управления, где была проходная завода. Шли, каждый думая о чём-то своём. Лишь в тамбуре она приостановилась, взглянула на него, вроде

хотела улыбнуться, как показалось Николаю, но она молча кивнула головой, вздохнула, оглянувшись на двери, словно хотела бросить работу к чёртовой матери и вернуться в город, но запахла коротенькую куртку и направилась в управление, чтобы заняться пусть тяжёлой, но необходимой для неё работой.

Николай поспешил к проходной.

Николай влился в поток людей, спешащих на работу. Чертыхнулся, когда в спину толкнули и кто-то коротко, но внятно матюгнулся, что он встал на пути, снова толчок — и он отошёл в сторону, не мешая другим. Закурил. Взглядом провёл рабочих. Кого-то узнавал, другие вроде незнакомы, а тому махнул рукой, снова толчок — и кто-то поздоровался, а он даже не заметил, кто это был. Постоял, наблюдая, а потом зашагал к своему цеху. И зябко повёл плечами, когда вспомнил Лену в лёгкой ветровке в промозглую осеннюю погоду. Что-то шевельнулось в душе. Он радовался, что познакомился с ней, что она тоже любит метели и готова гулять по улицам в эту снежную круговерть, но в то же время стало её жалко, что бьётся-колотится по жизни, просвета не видит, но не сдаётся, всё же надеется на лучшие времена. Маленькая, худенькая и — беззащитная...

Он мотнул головой, вспоминая Лену.

— Здоров был, Николай, — его догнал щуплый высокий мужчина с сумкой в руке. — Что-то давно не видно тебя. На объекте работал? А, в отпуске был! Это хорошо! Ну и как отдохнул?

И запыхал сигаретой, поглядывая на него.

— Да никак, — буркнул Николай. — Весь отпуск провалялся на диване. Дожди зарядили. Никуда не выйти. А я хотел на рыбалку съездить, щуку половить, судачка, но куда в такую погоду потащишься? Вот и провалялся на диване. Правда, родителям помог с ремонтом, раза два к другу ездил на дачу, керамзит привозили, да шлакоблоки купил. Ему помог немного, а остальное время бока отлёживал. Весь отпуск коту под хвост! Ты не в курсе, земельные участки будут давать или нет? Может, мне взять, как думаешь? Глядишь, дачку бы построил...

И Николай вздохнул, вспоминая зря потраченный отпуск и, как ни странно, сегодняшнюю встречу.

Да, что-то в этой Елене привлекло его внимание. Нет, не то, что была без тёплой одежды в такую непогоду, а небольшая, худенькая и беззащитная, как казалось, и её черты лица, что ли... Да и взгляд у неё был не обычный, как у всех женщин, а уставший. Сразу видно, досталось ей в жизни. Вроде учительница, профессия такая, где знания стоят на первом месте, а ещё это самое... как же его?... Николай чертыхнулся. А, вспомнил! Любовь к профессии, вот что должно быть у учителей. Но видно было, Елена переживала из-за потери работы, которую любила, скорее всего, а вот новая

работа не принесла радости, зато давала надежду на завтрашний день...

Он оглянулся на управление завода. Посмотрел на часы. Чертыхнулся. Хотел было вернуться в управление, чтобы разыскать Елену, поговорить с ней, а если повезёт, вечером бы погуляли, но уже времени оставалось в обрез. И снова мысли о ней. Погулять — это всего лишь предлог. Предлог к чему? Он не знал... Вдруг захотелось её увидеть, и всё тут. Её взгляд, постоянные паузы в разговоре, словно над каждым словом приходилось задумываться, перед тем как ответить, но в то же время она открыла душу перед ним — совершенно незнакомым человеком. Дачу любит, а ещё гулять в метели. И у него что-то сдвинулось в душе... Раньше не задумывался по поводу серьёзных отношений. Всё сводилось к лёгким победам, ничего не значащим отношениям: провели ночку-другую — и ладно. Можно за другими приударить, чтобы опять ночку провести, и всё на этом. Но понимал: вроде нагулялся, пора бы подумать о семье, — а посмотрит и сам не знает, с кем можно всю жизнь прожить. Как другие живут. Как семьи создают и до последнего дня живут в любви и радости. Ведь для этого нужно встретить самую лучшую во всех отношениях девчонку, которая станет его второй половиной, чтобы вместе быть долгую жизнь. И пожимал плечами. А где же её найти — эту самую единственную? И не знал. Николай снова оглянулся на управление завода, замедлил шаги, но вздохнул и заторопился в цех, прикрываясь воротником от холодного, промозглого ветра.

Пахнуло влажной древесиной, прихваченной морозцем, а поэтому и запах сильный. А ещё шпалами, углём и креозотом. Рядом с цехом стояло депо, и частенько, подавая долгие сигналы, пробегал маневровый паровоз. То за собой тянул пустые вагоны, то впереди толкал. А к вечеру выстраивал состав и потихонечку тащил его в сторону города, где поставит на запасных путях, а потом готовую продукцию повезут по всей стране. — О, гляньте, кто пришёл! — отовсюду стали раздаваться возгласы, когда он появился в бытовке. — Здоров был, Колька! А мы потеряли тебя. Отпуск — это хорошо! Наотдыхался? На улице холодрыга, а ты на работу пришёл. Отдыхал бы до зимы, а ещё лучше до весны. А ты...

— Нет, братцы, лучше до лета, там тепло будет, — наперебой стали зубоскалить. — Любой кустик примет... Нет, лето не нужно, наш Колька метели любит. Забыли, что ли? Как метель, он на работу опаздывает. Пешком прётся на завод. О, дурачок!.. Нет, его девки не отпускают на работу. Развёл гарем, одни кости да кожа остались. Попробуй каждой услужить, вот и опаздывает.

И хохот в бытовке, от которого, как казалось, стёкла задрожали. И принялись над ним подшучивать.

— Ай, отстаньте, мужики! — отмахнулся Николай, подошёл к шкафчику и принялся переодеваться. — Самому не хотелось ехать на работу. Я бы ещё один отпуск провалялся дома, чем пыль глотать на работе. Эх, скорее бы зима наступила или на пенсию отправили! Вот бы нагулялся в метели или отоспался на пенсии...

И Николай мечтательно закрыл глаза.

— Ага, ты отпуск проси в декабре или феврале, чтобы по своим метелям гулять, а не по осени. Вот непонятный человек! Люди летом берут отпуск, чтобы на солнышке погреться и позагорать, а этот ждёт метели, чтобы погулять. Дурачок какой-то... А зачем на пенсию собрался? Думаешь, там хорошо? — кто-то засмеялся. — Быстрее рак на горе свистнет, чем заставишь человека отсыпаться. Вон у дядя Коли спроси, как на пенсии живётся. Месяц побыл, а потом снова вернулся на работу. Скучно стало, а ты...

И опять в бытовке раздался смех.

Николай налил кипяток из титана. Бросил щепоть заварки. Размешал, наблюдая, как стал окрашиваться кипяток. Взял карамельку, развернул, сунул в рот и уселся на подоконник, прихлёбывая чай и наблюдая за наступлением дня.

За окном медленно стало светать. Тягучий расцвет, осенний. Ночи тёмные, и утро с вечером тоже во тьме. Не успеешь глазом моргнуть — день уже пролетел, зато вечера и ночи нескончаемые. Не дождёшься, пока новый день наступит. И сейчас за окном стало посветлее, но ветер и дождь не прекращались. Дождь холодный. Скорее бы закончился. Временами казалось, будто со снегом идёт, а присмотришься — дождь хлещет и хлещет...

Николай не любил осень. Ему нравился снег. Особенно когда метели кружат. Ух, в такое время он готов был с улицы не уходить. Бродил по городу, когда нормальный человек должен сидеть дома, а хороший хозяин собаку из дома не выгонит, а его влекло на улицу. И уходил. Навстречу ветру шёл. Надвинет шапку на глаза, поднимет воротник, весь скукожится и идёт. Гудит ветер в проводах, гул стоит на аллеях, деревья клонит к земле, а он шёл в снежной круговерти, аж дух занимался от восторга — такая силища, гляньте, что метель делает, а он всего лишь маленькая частичка в сравнении с ней... и восхищённо мотал головой.

Он выглянул в окно. Да, скорее бы снег. Виден соседний автотранспортный цех, возле которого ряды грузовых машин и несколько автобусов. Суется водители, то и дело ныряя за путёвками. Всполохи сварки — это на ремонтной базе. Круглосуточно работают, а работа не заканчивается.

Подошёл бригадир, Виктор Рожков, которого за глаза называли «генеральным бригадиром», потому что он был вхож в любой кабинет начальства, а по виду не скажешь: невысокий, морщинистое лицо, крючковатый сизо-красный нос, словно

у любителя выпить, сам постоянно в потрёпанной телогрейке, спецовка висит, летом в войлочных тапках, а зимой в огромных серых валенках. Он подошёл, ткнул руку, здороваясь.

— Как дела, Колька? — сказал бригадир. — За щукой ездил?

Он был тоже любителем рыбалки.

— Ай, Васильич, дома провалялся, — досадливо махнул рукой Николай. — Другана моего, Вовку, не отпустили в отпуск, я расстроился. А тут дожди зарядили. Носа не высунешь. Как подумал, что придётся в холодном доме, да ещё одному, жить две недели, — сразу настроение упало. Вот и провалялся на диване весь отпуск.

И опять махнул рукой.

— А мы ездил на Нугуш, — сказал бригадир. — В Сергушкино останавливались. Ночку перекантовались у бабы Кати, ты знаешь её, а с утра отправились за судаком. Вернулись в избу, бабка баньку натопила. Попарились, по рюмашке опрокинули — и на боковую. Утром снова на рыбалку, а вечером уехали домой. Я семь штук взял. Хорошие судаки! Надолго хватит. Вот такие!

Он вытянул руку и показал размер.

— Ничего себе! — закрутил головой Николай. — Да я бы лучше с вами съездил, чем на диване валяться. Судак — вкусная рыба. Эх, непруха!.. — и тут же сказал: — Васильич, не в курсе, землю будут давать под дачу? Я бы взял для себя. У друзей есть дачи, собираемся там на выходных или когда на рыбалку едем. Домик небольшой, грядочки, яблоньки и груши. Они с весны туда уезжают и почти до зимы живут. В город не хотят возвращаться. Я подумал: может, и мне построить дачу? Материал бы в цеху выписал, а дружки помогли. Ездил бы туда, чем на диване валяться. Как думаешь, Васильич?

Он посмотрел на бригадира и завздыхал.

— Хорошее дело — дача, — бригадир задумался. — У меня есть. Сами ездим, сын с семьёй приезжают. В баньку ходим, по рюмашке опрокинем, шашлыки-машлыки, потом долго дуем чай со смородиной и мятой, с печеньем и конфетками, а вечером на крылечке посидишь, по душам поговорим — хорошо! А что ещё нужно для человека? Да ничего! Если решил построить дачу, займись. А я с начальством переговорю, чтобы тебе выделили участок для дачи. Сейчас нарежут участки возле речки. Поставишь дачу на берегу, будешь на рыбалку ходить. Всё рядышком. Но тебе жениться надо, Колька. Жена — это первый помощник на даче. Там нужна женская рука. Женись, Колька! — Да я бы женился, но не встречается такая, чтобы сердце ёкнуло, а вертихвостку не хочу, потом мучиться всю жизнь. У друзей уже ребяташки бегают, а я жену найти не могу, — сказал Николай и вздохнул. — Где взять её — хорошую-то — даже не знаю...

Он пожал плечами.

— Вокруг столько девок, а ты не можешь найти, — махнул рукой бригадир. — Для семейной жизни не красота нужна, а душа. Вот и пляши от этого... — Это... Васильич, а ты ещё можешь в одном деле помочь? — запнувшись, сказал Николай. — Можно ли устроиться в какой-нибудь отдел в управлении или ещё куда-нибудь? Одному человеку хочу помочь. Жалко её. Долго не протянет на своей работе, а живут на пенсию матери. Жалко её... — опять повторил Николай и вздохнул, вспоминая сегодняшнюю встречу.

— Спросить можно, — пожал плечами бригадир. — За спрос в лоб не дадут. Хорошая девка-то? А, ну понятно. Ладно, сообщу...

Он постоял, о чём-то задумавшись, потом направился к выходу.

Захватив рукавицы, следом направился Николай.

Ворота были распахнуты. Стойкий запах дерева, лака и растворителя. Здесь не только изготавливали столярку, но в соседнем помещении красили, лакировали изделия, расставляя вдоль стен. Возле некоторых станков сидели рабочие. Повсюду видны штабеля пиломатериалов, а к вечеру ещё добавятся горы стружек и опилок.

Николай постоял в дверях, осматриваясь, потом пошёл к торцовочному станку. Возле него лежал большой штабель досок. Пятидесятка, определил толщину на глаз Николай. Значит, будут заниматься заготовками на окна и двери. Вздохнул. Хорошо, не брус. Он неподъёмный. Вдвоём на станок не закинешь. Все руки отмотаешь. Вот уж бы замучились!

Он присел на низкую лавку, стоявшую возле горячих батарей. Рукавицы в батарейку. Пусть греются. Сейчас доски придётся нянчить, а они мокрые и тяжёлые. Он передёрнул плечами. Холодно! Показалось, в цеху стало светлее. Повернулся. Правда, за окном высветлило, и даже тусклый луч солнца пробежал по доскам, но вскоре исчез. Неужели проясняет? Николай приподнялся. Правда, тучи немного разошлись, и в просветах было видно тусклое голубовато-серое небо. Ну наконец-то, обрадовался он. Пусть немного морозом прихватит землю, а то идёшь — и повсюду грязюка, а мороз ударит — хоть лужи льдом прихватит. Всё лучше...

Николай прислонился к батарее. Хорошо-то как, тепло! До весны будут свободное время возле них просиживать. В помещении холодновато. Его не прогреешь. Да и ворота то и дело открываются. Одна машина въезжает, другие отправляются в дорогу. Сюда доски и брус, а отсюда готовые изделия.словно конвейер работает. А рабочие — это муравьи. С утра и до вечера копошатся.

Николай поелозил, устраиваясь поудобнее. Женька Рыжий, напарник, не подошёл. Наверное, в бытовке сидит или к начальству заглянул.

Хорошо, что к нему в напарники попал. Женька молчаливый. Буркнет под нос — и всё, скажет два-три слова — и опять молчок. Больше слушал, чем говорил. И Николаю нравилось, что тот не лезет в душу, не расспрашивает. Даже присядет рядом, взглянет на тебя, словно что-то спрашивает, а сам ни слова не говорит. Захочешь — ответишь.

Он поднялся. Покрутил головой. Напарника не видно. Николай заглянул к электрикам. Ещё утро, а Иван Огрызков уже готовит обед. Сколько помнит Николай, тот каждый день чистил две картошки, нарезал луковицу, кидал в кипяток, туда же — мелко нарезанную колбасу, всего лишь для вида, для запаха, и готовил обед. Один и тот же в течение многих лет. И сейчас Огрызков уже колдовал над кастрюлькой. Увидел его, кивнул и снова склонился.

Николай заглянул в соседнее помещение, где сидели слесаря. Виктор Климец точил пилу. Искры по мастерской! Второй слесарь сидел со стаканом чая в руке. Климец оглянулся. Помахал рукой, здороваясь, и снова склонился над диском.

Все заняты. Николай остановился в дверях, осматривая цех. Одни уже включили станки. Другие ещё тянули время. День долог, надоест ещё доски нянчить. И тянули время... Он шагал по цеху, здороваясь с рабочими. Кому-то махал рукой, если были далеко или заняты, а с другими останавливался. Поговорили, посмеялись. Николай оглянется, не видно ли напарника, и снова шагает. Вроде небольшой цех, а пока обойдёшь, пока в каждый уголок сунешь нос, с одним и другим поговоришь, время-то пролетело. Не успел оглянуться — станки замолчали, и многие потянулись в курилку.

— Кто это припрятал? — Николай остановился возле досок, которые лежали под батареей. — Липу привозили, да? А для меня найдётся?

Он повернулся к сутулому худому мужику. — Это Ванька Орехов прибрал к рукам, — он кивнул в сторону сушилки. — К нему подойди. А что хочешь сделать?

— Сам ещё не придумал, но знаю, что пригодится, — Николай пожал плечами. — Что-нибудь замастрячу. Голова на то и дана, чтобы думать, а не тока жрать в неё.

Сутулый мужик хохотнул, потом присел на лавку, прислонился к горячим трубам отопления и притих.

Николай вернулся к станку. Постоял возле окна. Вроде высветлило, а сейчас снова небо затянуто тучами. На улице всё тёмно-серое и промозглое. Низкое тёмное небо. Облака словно сейчас за крыши цехов зацепятся. Низко плывут. Даже не плывут — этого не видно, а будто висят над ними, того и гляди всю округу словно одеялом укроют.

Он присел на лавку. Прислонился к батарее. Тепло. Укутался в фуфайку. Надвинул кепку на глаза

и притих. Даже задремал, как ему показалось. Словно взяли и выключили. Обленился за отпуск, а сегодня рано поднялся, поэтому спать потянуло. Он разлепил веки. Протяжно зевнул. Напарник не подошёл, а без него не начнёшь. Честно сказать, и не хотелось одному, да ещё в первый день после отпуска, что-то делать. Лучше посидеть, пока есть возможность. И сидел, невольно вспоминая встречу с Еленой—этой техничкой с педагогическим образованием, которой не нашлось места в школе и пришлось браться за любую работу, лишь бы выжить в этой жизни. И снова ёкнуло сердце, вспоминая, как она сидела рядом, редкий раз касаясь его плеча, а потом они шли к проходной, и у него появилось такое чувство, словно знал её давным-давно. Казалось, сейчас повернётся Лена, а он воскликнет: а ты помнишь, как мы с тобой лет несколько назад встретились на рынке, или на улице, или на танцах, а может, когда он бывал в столице и там её видел?—а она в ответ кивнёт: да, мол, помню... Но такого не могло быть, потому что сегодняшняя встреча была первой, а чувство—словно сто лет знаком с Леной, и поэтому на душе стало теплее, когда вспоминал о ней...

И обрадовался, когда бригадир пообещал поговорить с начальством по поводу земли для дачи, а ещё разузнать по поводу работы. Хорошо, если поможет. Жалко её, сама росточком со швабру, а такие вёдра таскает—руки отвалятся. И снова мысли о даче...

Раньше как-то не задумывался об этом, а потом заметил, как его друг всё свободное время тратил на свою дачу, и не дозовёшься его, чтобы съездить на рыбалку. Ну что в этом хорошего, что с утра и до ночи стоишь раком над грядками? Весна начинается—и всё, туши свет, как говорит. Всё свободное время тратишь на эту дачу. Надо вспахать, посадить, полоть и окучивать, а осенью ещё нужно урожаем собрать да с ним поделиться—соленья там, варенье... И получается, что свободное время—это зима, когда ты можешь вздохнуть от дачной суеты и поваляться на диване, почитывая газетки или попивая пиво, а остальные месяцы—это тяжёлый и неблагодарный труд, как казалось Николаю. Но почему тогда его друг с какой-то непонятной радостью ждал-ждался, когда наступит весна и они с женой отправятся на дачу и будут с утра и до ночи копать в грядках, убирать сорняки, пока язык не вывалится на плечо, а сами не упадут от усталости? В чём радость-то? Николай пожимал плечами, а друг посмеивался. Говорил: придёт время, и ты захочешь приобрести дачу или сам построишь и будешь ежедневно туда мотаться. Да ну, отмахивался Николай. Да чтобы я—и на дачу, чтобы пахать как проклятуший—да никогда! А сейчас захотел... Сидел и радовался, что бригадир поговорит с начальством, ему выделят участок, и он построит домик. Небольшой домик,

баньку поставит, посадит яблоньки и груши, вишню и сливу и будет ездить туда. Правда, одному скучно, что ни говори. Словом перекинуться не с кем. Правду бригадир сказал, что на даче нужна женская рука. А где её взять—эту женскую руку, да ещё на даче, если её и в жизни-то нет? Ну не встретилась она—эта самая женщина, ради которой он готов будет горы свернуть. Нет её, и всё тут!

Он сидел, хмурился, вспоминая всех своих бывших подруг, и примерял как бы личину дачниц на них, подойдёт ли она или другая на роль помощницы по даче, да что говорить—роль жены, и никак иначе. А Танька или Антонина подойдут к семейной жизни? Всё же жена—это первая помощница на даче. А может, опять с Веркой закрутить любовь? Вроде девка весёлая и в теле, как говорится, а получится ли притереться друг другу? Николай пожимал плечами. Верка хорошая и красивая, но какая-то пустая. Несерьёзная, что ли... С ней хорошо время проводить, а жить и на дачу ездить... Нет, она не согласится, да и ему не хотелось этого, честно сказать. И снова примерял маску дачницы и спутницы жизни на следующую подругу.

А потом вспомнил Лену, с которой познакомился только сегодня, почему-то она в душу запала. Вроде ничего особенного, девка как девка, которых много вокруг, а она зацепила. Нет, не жалостью, она ничего не говорила, что тяжело ей, что устала. Она приняла жизнь как есть и радовалась, что смогла найти работу. Пусть копеечная и неблагодарная эта работа, а она была рада. Николай вспоминал, как они шли вместе на работу. Вроде разговоры ни о чём, а ему было интересно с ней. Пусть всего знакомы пять минут, а казалось, давно её знает. И это было удивительно.

Он представил себе, если бы Лена вышла замуж за него, они собрались и поехали бы на дачу. Она бы таскала кирпичи своими педагогическими руками, которые, кроме мела и указки, ничего не видели, а он потихонечку строил домик. Всего лишь в одну комнату, зато там будут стоять стол, кровать и телевизор, а ещё сделает большую и светлую веранду, на которой они будут пить чай по вечерам, когда вернутся из баньки. Ленка заварит чай. Николай будет сидеть за столом. Она выйдет к нему, вся такая светлая и чистая, аж дух занимается, поставит чай перед ним, варенье и конфеты, сушки и пирожки. Включат транзистор. Музыка, чай, вечер и тишина. Они пьют чай и отдыхают после рабочего дня, потом усядутся на крыльчке и будут слушать тишину, а ещё смотреть на звёздное небо. И молчать. А что говорить, если и так всё знаешь? Тут нужно душой чувствовать, а не словами разбрасываться. Душа—это главное у человека. А потом у них будут дети. Много. Николай всегда завидовал, у кого в семье было много детей. Он был единственным ребёнком у родителей, а ему хотелось братьев и сестёр, и завидовал друзьям,

у кого они были. Даже сейчас ему хотелось, чтобы в семье были дети. Два или три, а может, пятеро, но пусть будут, и они станут бегать на даче, топтать цветы и грядки, а подрастут — станут помощниками. Вон как у его друга. Носятся — аж пыль столбом! Друг с женой вроде ругают их, а по глазам видно — радуются. И ему хотелось того же...

Николай вздохнул, вспоминая Лену. Мало ли что ему хотелось? Придумал себе незнамо что. Пять минут знакомы, а он уже нафантазировал: вот и замуж вышла за него, и дачу построили, и семеро по лавкам. Эх-хе, снова вздохнул он. А в душе всё равно была какая-то непонятная радость после этой встречи. Вроде ничего особенного в ней не было, а чем-то же она смогла зацепить. А чем? Он пожал плечами... Были девчонки куда красившее её, с кем время проводил, а ни одна в душу не запала. Вроде неплохие, но все одноликие, которые хороши для развлечения, а не для семейной жизни. Чего-то в них не хватало для семейного счастья, а чего именно — он не знал. Может, правда бригадир сказал, что счастье не в красоте, а в душе? Да, наверное, так и есть...

Он приоткрыл глаза. Зябко повёл плечами. Не нравилась осень. Всегда сыро, всегда мрачно. Напарник ещё не пришёл. И доски не привезли. Машина давно ушла на склад, но застряла. В помещении полумрак. Он оглянулся на мутные грязные окна, за которыми ничего не разглядеть. Лязгнули ворота, распахиваясь, въехала машина, гружённая досками, на которых лежал толстый слой снега. Николай мотнул головой и невольно оглянулся на окно, за которым творилось что-то непонятное. Прижался к стеклу. Это же снег идёт, чуть не вскрикнул он. И обрадовался. Зима пришла. А с нею придут метели, и тогда он будет гулять

по занесённым улицам, когда, как говорится, хороший хозяин собаку не выгонит на улицу, а ему нравилась эта погода. И такой восторг в душе, что не передать словами, его нужно чувствовать...

Он долго стоял, о чём-то думал, хотел было присесть, но заметил, что бригадир помахал рукой, подзывая; он подошёл к бригадиру, а потом заторопился на улицу, где была настоящая снежная круговерть. Вытяни руку — и пальцев не увидишь. Николай постоял возле ворот, аж дух захватывало от первой и такой долгожданной метели. Утром же ещё дождь хлестал, а сейчас настоящая зима наступила. Вон как заворачивает! Как сыпанёт в лицо — аж дыхание перехватывает. Ну и пусть, зато на душе опять появился восторг. Стихия! И он, букашка, песчинка или частичка, которая бредёт, пробивается через эту стихию. И он побрёл, прикрываясь воротником. Николай шагал в сторону управления, чтобы разыскать Лену, которая запала ему в душу, и казалось, они много лет знакомы, а почему — не мог объяснить. И он торопился, чтобы поговорить, да просто стоять рядом с ней, и если метель не закончится, уговорит Елену, и они пойдут вечером гулять по снежной круговерти. А завтра встретятся на остановке и вместе поедут на работу, а по дороге будут разговаривать. О чём? Да вроде ни о чём, а в то же время они будут говорить о жизни. И так каждый день... А когда придёт весна, как в природе, так и в душах, они будут ездить на дачу, по вечерам сидеть на крыльчке, смотреть на звёздное небо, слушать ночную тишину и молчать, потому что слова не нужны, ведь в человеке главное — это душа. Конечно же, он настанет — этот день, потому что так и должно быть в нашей жизни...